

СЕРГЕЙ АСАНОВ

ОН
ЭКСТРАСЕНС

ТРИНАДЦАТЬ

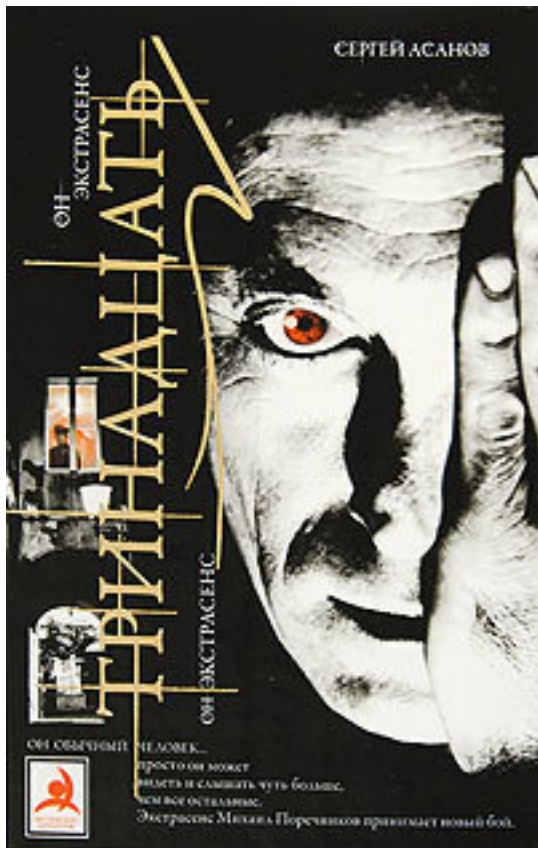
ОН
ЭКСТРАСЕНС

ОН ОБЫЧНЫЙ

ЧЕЛОВЕК.

ПРОСТО ОН МОЖЕТ
ВИДЕТЬ И САМЫЙ ЧУТЬ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ВСЕ ОСТАВАЮЩИЕ.

Экстрасенс Михаил Поручиков принимает новый бой.

Сергей Асанов

Тринадцать

Серия «Экстрасенс», книга 2

Текста предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179546
Асанов С. Тринадцать: АСТ; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-057117-8

Аннотация

С обитателями дома номер тринадцать регулярно происходят несчастья – самоубийство одинокой женщины, пожар в застрявшем лифте, унесший жизнь двух подростков, обрушение балкона... Жильцы объясняют свалившиеся на них напасти несчастливым номером дома, однако экстрасенс Михаил Поречников находит иное объяснение: оказывается, дом построен на месте заброшенного расстрельного полигона НКВД, а среди жильцов затаился один из палачей, благополучно доживший до 90-летнего юбилея.

Но кто этот человек? Задача жильцов – найти старика и избавиться от него, пока «мрачные тени прошлого» не разнесли дом.

Задача Поречникова – спасти всех.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Асанов

ТРИНАДЦАТЬ

Пролог

29 ноября 1948 года

За 59 лет до Большого Взрыва

Ближе к полуночи привезли новую партию. Фургон лениво перекатился через песчаный холм, едва не завалившись на бок, снова вырулил на проселок, проехал немного, выплевывая из-под резиновых копыт ошметки грязи и куски льда, и остановился в пяти метрах от оврага. Серdito фыркнув напоследок, словно недовольная возложенной на нее миссией, машина затихла.

– Дурень, выключи фары, ослепнуть можно! – крикнул командир расстрельной бригады, махнув рукой водителю. Тот не послушался. – Выруби, говорю, или вместе с пассажиром пойдешь!

Эта угроза подействовала. Свет погас.

– Вот так-то. – Командир сплюнул кожурой от семечек и обошел фургон сзади. Солдаты в это время торопливо открывали двери.

Офицер заглянул внутрь, осветил фонариком, оглядел людей, сидящих внутри. В него, словно призраки, из полумрака вперились испуганными глазами несколько доходяг, которых то ли выдернули прямо из теплой супружеской постели, то ли долго пытали – настолько они были нелепы в этом холодном и величественном ноябрьском лесу.

– Так, троцкисты-утописты, выгружайся по одному.

В фургоне находилось человек восемь – десять. Одни мужчины. И никто из них не сдвинулся с места.

– Кому особое приглашение требуется, говори, не стесняйся, рассмотрим, – предложил офицер, продолжая грызть семечки. – Можно и под ручки взять, мы не гордые.

Доходяги в фургоне зашевелились, но никто, очевидно, не хотел спрыгивать на землю первым.

Офицер не выдержал:

– Так! По одному из машины – бегом!!!

Для убедительности он вынул из кобуры наган. Как ни странно, этот аргумент сработал. Люди стали спрыгивать на землю.

– Молодцы, – заключил чекист, успокаиваясь. – А то, понимаешь, как девушки на выданье...

Через пару минут все невольные пассажиры автозака стояли на мерзлой земле, кутаясь в свои рубища. Среди них

были двое стариков лет семидесяти, трое мужчин помладше вполне интеллигентного вида, а остальные смахивали на простых советских рабочих. Таковыми они, собственно, и являлись, и этот факт буквально задел за живое большого начальника расстрельной бригады.

– Ну, с этими-то понятно, – кивнул он на интеллигентов, – а вы-то, гегемоны сраные, каким чертом здесь оказались?

Диалог явно не клеился. Мужчины молча смотрели на землю, и на их лицах, освещаемых теперь фонарем чекиста, даже слабые отблески надежды уже не прочитывались. Они прошли все семь кругов ада, прежде чем попасть сюда, на заброшенный золотой прииск, и пути обратно уже не было.

– Руки за спину, – приказал офицер, – повернулись направо. Грищук, команду дальше.

Под прицелом десятка винтовок и под зычные команды мелкого суетливого лейтенантика колонна обреченных направилась к краю оврага.

Командир смотрел в спины людей с презрением. Причем презирал он их не за измену Родине, которую должен был любить всем сердцем (где-то в подземельях души он *такую Родину* видел в гробу, в белых сапожках с бахромой), а за то, что вынужден мерзнуть ночью здесь, на далекой окраине, и слушать предсмертные стоны этих кретинов, оказавшихся не в том месте и не в то время.

Сам он никогда не стрелял и наган вынимал из кобуры только для острастки. Он понимал, что кому-нибудь из его

подчиненных однажды придет в голову сообщить об этом куда следует, и тогда в один прекрасный день (скорее, ночь) он сам может встать на краю оврага с руками за спиной. Наверно, так и случится рано или поздно. Но, черт возьми, он не мог поднять пистолет! Стрелять ночью в лесу в затылок безоружному и бог знает в чем обвиненному человеку, который еще вчера, может быть, ходил по одной улице с тобой и плевал на ту же мостовую, – это вам не фашистские эшелоны под откос пускать. Это какая-то абсолютная и необъяснимая глупость, дурацкий сон на похмельную голову!

Поэтому единственное, что он мог себе позволить в предложенных обстоятельствах, – это лениво грызть семечки и молоть языком, прикидываясь потомственным истребителем космополитов. Авось проканает.

Подбежал лейтенант Грищук.

– Приговор зачитывать? – спросил он, пританцовывая и перетирая замерзшие ладони.

– Ты знаешь их приговор?

– Ну... кхм, нет.

– Тогда какого лешего?! Иди и работай!

Когда непонятливый лейтенантик, все так же припрыгивая, отошел к остальным, офицер достал папиросу и закурил. Быстрее бы все это закончилось, подумал он, поднимая воротник куртки. Чертов лес, чертова осень, чертова работа! Особенно гадостный привкус во рту вызывал этот тупой белобрысый юноша, суетившийся так, словно сдает эк-

замен на разряд в слесарной мастерской в присутствии своих старших товарищей. Сейчас он, чуть не повизгивая от удовольствия, расставляет людей на краю оврага, а минуты через две-три, вальяжно отойдя на несколько шагов, оглядит композицию, словно художник-пейзажист, взмахнет рукой и насладится процессом, как будто бабе своей засадит. Вот же гнида!

Мысленно желая, чтобы все скорее закончилось, офицер, вероятно, имел в виду не только эту конкретную партию бедолаг – он думал о чем-то большем...

– Стоять, сука, стрелять буду!!! – разрезал вдруг тишину ночного леса чей-то вопль. Офицер вздрогнул, выронив изо рта папироску.

Один из приговоренных к расстрелу интеллигентов совершил отчаянный поступок. Он побежал – рванул вправо от оврага прямо в темноту леса, растолкав товарищей по несчастью, понимая, что у него все равно нет никаких шансов. Свободная птица, предпочитавшая быть подстреленной в полете... или просто придурок, у которого сдали нервы.

Офицер автоматически схватился за наган. Черт возьми, он же должен стрелять!..

– Стой, сучонок!!! – снова прокричал лейтенантик. Было видно, что он растерян, поскольку с такой наглостью ему сталкиваться еще не приходилось. Он бросил полный отчаяния взгляд на офицера.

– Командуй, баран! – крикнул тот.

Лейтенант сразу успокоился. Старший товарищ, слесарь самого высшего разряда, вложил в его руки молоток и зубило и дал добро на выбивание рельефа Венеры Милосской.

– Огонь!!! – взвизгнул салага.

Тут же из десятка вскинутых стволов под оглушительный грохот вырвались смертоносные огни. Сбитый с ног беглец рухнул в кусты. Офицер за–жмурился.

Несколько секунд стояла звенящая тишина. Никто не двинулся с места. Офицер открыл глаза и обнаружил, что вопреки его ожиданиям остальные жертвы не стали в ужасе разбегаться. Они были парализованы окончательно, и командир даже не хотел вглядываться в их лица.

Они и так уже сняты ему ночами...

– Грищук, мать твою за ногу, заканчивай быстрее! – бросил он и пошел к автомобилю.

Часть первая МУРАВЕЙНИК ЖИВЕТ...

Наши дни

За месяц до Большого Взрыва

Абитуриент по имени Василий и с забавной столярно-плотницкой фамилией Дрель звезд с неба не хватал. Он рвался в университет не для того, чтобы откосить от армии, поскольку белый билет у него давно был на руках ввиду отсутствия в числе предков сколько-нибудь психически здоровых особей. Он также не стремился стать высокооплачиваемым специалистом в области юриспруденции или экономики, поскольку и то и другое вызывало у него нестерпимую зевоту. На во-прос «Зачем тебе университет?» Василий пожимал плечами и неуверенно выдавливал: «Ну, как-то... не в ПТУ же идти?» Выбор пал на исторический факультет педагогического университета.

Практически сразу же выяснилось, что при отсутствии вменяемых результатов тестов и без обильных подношений приемным комиссиям поступить на бюджетной основе будет

трудновато. Поэтому для начала Вася нанял репетитора-историка, который имел весьма приличную репутацию на факультете. Вернее, наняли родители, пообещав отпрыску за надлежащее рвение помочь деньгами непосредственно при поступлении.

Вот уже второй месяц молодой историк Михаил Поречников пару раз в неделю приходил домой к Василию Дрелю и разжевывал ему премудрости своей науки. С августа по октябрь они успели обсосать особенности правления Ивана Грозного, Смутное время, перегибы на местах во время Петровских реформ и вплотную приблизились к просвещенному абсолютизму. Миша успел познакомиться с родителями этого недоросля – вечно занятыми, а потому вполне обеспеченными людьми, готовыми потратить энное количество денег, чтобы их чадо не болталось по кабакам. Он также смог удостовериться в тщетности попыток увлечь парня непосредственно историей, при этом экстрасенсу Михаилу дико мешало то обстоятельство, что он мог видеть больше, чем все остальные граждане, и чувствовать то, чего не чувствовали другие.

Сегодня перед занятием ему пришлось долго выслушивать стенания Василия на следующую тему: «Почему бездарности в этой жизни пробиваются сами, без всякого мыла пролезая в любые щели, а мне приходится тратить деньги на репетиторов при отсутствии всяческих гарантий? Почему такая несправедливость? Где поддержка молодых талантли-

вых ребят?!» Миша пропускал его слова мимо ушей, а вместо этого в очередной раз перечитывал то, что пряталось в нехитрой Васькиной голове.

– Послушай, дружище, – сказал он наконец, – не пытайся разыгрывать передо мной оскорбленного несправедливостью гения. На самом деле тебе не хочется никуда поступать. Правда?

Вася молчал. Выпад был неожиданным.

– Правда, – с удовлетворением заметил Михаил. – Понимаешь, Вась, очень глупо ничего не хотеть и ни к чему не стремиться. И не только глупо, но и чудовищно трудно, мне кажется.

– Да ну! – усмехнулся Василий. Ему-то как раз казалось, что «ничего не хотеть» – это вполне посильное бремя для человека его возраста и социального статуса.

– Ну да! – ответил Миша. – Вот чего ты сейчас по-настоящему хочешь?

Вася задумался. Он, разумеется, не знал, что его преподаватель умеет читать чужие мысли, а потому пытался сочинить красивую легенду.

– Не утруждайся, – махнул рукой Михаил, – все равно ничего не придумаешь. Я сам отвечу.

Вася подобрался.

– Сейчас ты хочешь очень простых и пошлых радостей жизни, о которых грезят подавляющее большинство молодых людей твоего возраста. Это перемахнуть из своих бес-

печных семнадцати лет в свои еще более беспечные, допустим, тридцать пять, где уже есть большая и роскошная квартира, хорошая машина, красавица жена, банковский счет, где у тебя, прости за вульгарность, член работает как отбойный молоток, приводя в восторг, помимо жены, еще десятков глупеньких блондинок... Ну и так далее. Вот примерная картина и примерные цели твоего существования. Без обид?

Вася улыбнулся. Он был вполне добродушным малым, и с Михаилом они успели сдружиться достаточно, чтобы не обижаться на подобные речи.

– А вы думаете, все это невозможно? – спросил он.

– Отчего же, вполне возможно. Только весь прикол в том, КАК двигаться к своей мечте. Мечтать можно о чем угодно, но куда интереснее процесс достижения. Если я скажу тебе, что некоторые наши с тобой сограждане работают как сволочи, что-то создавая своими руками, ты не поверишь и сочтешь меня преподам-занудой.

Вася кивнул.

– Стало быть, говорить я этого не буду, – согласился Миша, – но люди действительно работают как сволочи. Есть и другие способы – получить наследство, «срубить бабла побыстрому», выиграть в рулетку и так далее. Тоже варианты.

Вася снова кивнул. Он ждал главного вывода.

– Знаешь что, друг Василий, – сказал Миша, поднимаясь из-за большого круглого стола, стоявшего в безразмерной гостиной, – я хотел бы тебе пожелать почаще испытывать чув-

ство реальной победы. Футбольный матч можно выиграть в упорной борьбе, бегая по полю до зеленых соплей и мозолей на пятках, а можно заплатить судье или сопернику. Результат в обоих случаях вроде бы одинаков, но вот ощущения... Поверь, очень многое в жизни зависит от ощущений. Очень многие наши с тобой сограждане предпочитают платить не только судье, но и соперникам и даже зрителям на трибунах и при этом не испытывают никаких неудобств и угрызений совести. Они считают себя победителями, и это, друг мой Василий, самая настоящая жопа.

Миша посмотрел на часы. Сегодняшнее занятие пора было заканчивать. И хотя он не успел рассказать Ваське, за что Екатерина Великая ненавидела своего мужа Петра, зато сумел открыть что-то новое. Он был уверен, что Васька задумался. Впрочем, что там – *он это знал*.

– А вам тридцать пять уже? – спросил Василий, закрывая тетрадь.

– Я так плохо выгляжу? Нет, Вась, мне гораздо меньше.

– А откуда вы знаете, что будет в тридцать пять?

– Смотрел сериал по телику.

Они рассмеялись. Пора было прощаться.

– А пойдете покурим? – вдруг предложил недоросль. Это было неожиданно, он никогда не афишировал своих дурных привычек.

– Ты еще и куришь, – произнес Михаил. – А вот я до сих пор не научился.

– Может, тогда просто рядом постоите?

– Если недолго.

Они вышли на балкон, который размерами своими вполне мог соперничать с гостиной. В этом новом доме, построенном пару лет назад и еще не заселенном до конца ввиду дороговизны квадратного метра, все было большим – лестничные площадки, кухни, гостиные, балконы, и даже в туалетах можно было при желании повесить телевизор. Нацпроект «Доступное и комфортное жилье» пока в полной мере отвечал только второй половине своего названия.

Василий достал из тумбочки в торце балкона пачку «Парламента», одну сигарету деловито сунул в зубы, а пачку бросил обратно. Миша понял, что курит он недавно и пока не успел втянуться, а потому всё еще представляет себя эдаким мачо. Когда он перестанет ощущать крутизну, выпуская дым из носа, будет уже поздно.

– Хорошо здесь, – протянул Василий, оглядывая окрестности.

– Пожалуй, – согласился Миша. Их этаж был восьмым. Почти прямо под окнами, метрах в двадцати от стены, тянулся ряд бетонных гаражей, а дальше на огромной площади расстилалось желтеющее море растительности – островки березовых рощ, заброшенные вишневые плантации, холмы, пригорки и изрытые колесами грузовиков проселочные дороги. Тополиная улица была самой крайней в этом еще не достроенном городском квартале, и десятиэтажная двух-

подъездная коробка под номером «13», в которой жил Васька Дрель, стоявшая почти на отшибе, одной своей стороной грустно смотрела на затянутый дымом мегаполис, а другой радовалась почти нетронутой природе.

– Вечерами здесь в окно смотреть жутковато, – сказал Василий. – Ни одного огонька с этой стороны нет. Странные ощущения.

– Угу, – кивнул Миша. Он знал про эти ощущения, но он знал и кое-что еще, о чем говорить Василию не хотел. Дело не только в вечернем пейзаже. Находясь в стенах этого дома, Михаил чувствовал необъяснимую тревогу – а он приходил сюда только днем, когда все вокруг шумит, трещит, повизгивает и источает аппетитные запахи. Поначалу он списывал это на общую усталость и обычную осеннюю хандру, но со временем обнаружил, что вне дома ничего подобного не испытывает. Значит, что-то не в порядке с этим бетоном. Большой дом, населенный людьми, – это почти живой организм, и Михаил в силу своих врожденных экстрасенсорных способностей чувствовал, что в данном конкретном организме где-то завелась червоточинка. Что это было и где это искать, он не знал. Но эта червоточинка не давала ему покоя.

Хотя – оно ему надо?

– Ладно, Васёк, пойду, – сказал он, открывая дверь в комнату. – Ты успешно использовал меня как ширму на случай возвращения родителей, а теперь мне пора.

– Кхм... хорошо, – покраснел юный Дрель. – Когда у нас

следующая встреча?

– Послезавтра. Тебе на пару вечеров задание – вместо журналов «Титьки и попки», которые ты читаешь в туалете, полистать что-нибудь из тех книг, которые я тебе назначил. Выбери любую понравившуюся тебе тему периода правления Екатерины Второй, и в среду мы с тобой пообщаемся. Послушаю, как ты умеешь дискутировать. О'кей?

– Ладно, – улыбнулся Васька. – Титьки и попки... Хм...

Он выбросил недокуренную сигарету на улицу, проводил Михаила до прихожей. Тот, надев туфли и проверив телефон, еще какое-то время мялся возле зеркала. Потом он все-таки решил спросить:

– Слушай, Вась, вы сколько тут живете?

– Месяцев десять почти. Ну, меньше года точно. А что?

Миша пожал плечами. Он не знал, как спросить, чтобы не вызвать нежелательные встречные вопросы.

– И как вам здесь? Нравится?

– Нормально. Холодно только почему-то. Вроде зимой топили, а не прогревалось ни фига. И еще гудит что-то постоянно в стенах.

– Гудит? – улыбнулся Миша.

– Ну да. Знаете, когда ветер в вентиляции гуляет, звук такой – «у-у-у-у». Хотя вроде ветра-то нет, а все равно воет. Может, вы знаете, что это может быть?

Михаил снова пожал плечами. Он никогда не был специалистом по вентиляции, он понятия не имел, как функци-

онирует проточный водонагреватель, и бесконечно уважал людей, которые могут установить унитаз. Он был специалистом по другим материям, и сейчас ему хотелось расспросить Василия поподробнее о том, как поживает этот странный и неприятный дом, но нельзя было настораживать парня, чтобы тот, обалдев от информации, не начал распускать слухи. Михаилу хватало интереса к своей экстрасенсорной персоне и без этого беспечного болтуна.

– А еще что интересного у вас происходит? – якобы между делом спросил он, с сосредоточенным видом нажимая на кнопки мобильного телефона.

– Ну, не знаю... – протянул парень. – Всякое. О! Летом девчонку одну в подъезде порезали. Может, помните, ее в новостях показывали? Ее на площадке нашли всю в крови.

Миша вскинул брови.

– Е-мое... Нет, не припомню. А что случилось, не рассказывали?

– Версии разные были. Говорили, что у нее с какими-то пацанами тёрки нехорошие случились, хотя родители вроде ничего такого не замечали. Хм... родители никогда ни фи-га не замечают... Менты говорили, что, может, просто изнасиловать хотели. Короче, так ничего путного и не сказали. Темное дело.

– Ты ее знал?

– Нет. Ей всего четырнадцать было или пятнадцать, не наша компания. Так, встречались иногда во дворе. Кажется,

она даже не из нашего дома была.

– Понятно. – Миша убрал телефон в карман. – Ладно, друг Василий, пошел я. До встречи в среду в это же время.

– О'кей!

Они пожали друг другу руки, и Миша вышел на лестничную площадку. Когда дверь за ним захлопнулась, он постоял немного, посмотрел на двери соседних квартир. Одна из них до сих пор пустует, он это чувствовал на расстоянии, в двух других проживают приличные многодетные семьи. Михаил подошел к одной из дверей, вытянул руку, попытался прислушаться к тому, что происходило внутри. Никакого явного негатива не почувствовал, все довольно спокойно и мирно, эдакое тихое и разжижающее мозги мещанское счастье.

Михаил опустил руку, почесал левый висок, как он обычно делал во время сеанса «сканирования». Простояв минуты две, он понял, что ничего не добьется. Порой его невероятные способности, позволявшие видеть сквозь стены и «сверлить» набитые хламом чужие черепные коробки, куда-то улетучивались, и Михаилу оставалось признать правоту вечного завистливого противника профессора Саакяна: неординарные способности нужно развивать, иначе они протухнут, как не дождавшаяся разделки рыба на солнечном подоконнике.

Миша стал спускаться вниз. Он еще месяц назад решил, что в местный лифт не войдет ни за какие репетиторские гонорары, хотя никогда не страдал клаустрофобией. Черт знает

что происходило с этим лифтом – от него тянуло едва уловимым, но невероятно гадким запахом. Скорее всего чувствовал это один Миша, иначе местные аборигены давно бы съели Кука из управляющей компании.

Он спускался медленно, слегка сбавляя скорость на каждой обитаемой площадке. Всюду бурлила жизнь – такая разная и такая непредсказуемая. «Хорошо иметь свой домик в деревне!» – почему-то вспомнил Миша рекламный слоган. Он понял, что завидует обитателям этих благоустроенных скворечников. Собственным жильем к своим двадцати пяти годам он еще не обзавелся, а съемная квартирка, в которой он сейчас обитал, хранила в себе чужую и не всегда приветливую энергетику.

На третьем этаже он вдруг остановился. Его внимание привлекла дверь квартиры с номером «11».

– Блин, – пробормотал Миша и приложил пальцы к виску.

Стандартная и ничем не приметная дверь пряталась в полутемной нише. В нескольких сантиметрах справа от нее проходила толстая вертикальная труба. Ничего странного в этом жилищно-коммунальном пейзаже не было, если не считать скромного букетика гвоздик, торчащего из-за трубы. Свежие красные головки цветов свешивались аккуратно над кнопкой звонка. Впрочем, «букетик» – это слишком громко сказано.

Гвоздик было всего две штуки.

Во времена советского режима – по старой русской привычке не то проклинаемые, не то вновь желанные, – когда всеобщая недоступность качественной пищи и обилие дерьмовой одежды примиряли даже классовых врагов, дома действительно жили какой-то особой жизнью. Это в самом деле были муравейники, и едва ли преувеличивал Михаил Козаков, надевая обитателей своих нетленных «Покровских ворот» коллективным разумом.

В каждой убогой пятиэтажке грязно-серого кирпича существовала своя полноценная футбольная команда, готовая и в дождь, и в снег мутузить единственный на несколько подъездов мячик. В каждом доме всегда можно было найти «злого старого перца», оберегающего яблони под окнами первого этажа, и местная детвора, забыв про собственно яблони, обязательно с восторгом дразнила старика, доводя его до заслуженного инфаркта. Свадьбы и похороны проходили при полном аншлаге, обитатели первых этажей всегда знали, кто пукнул на пятом, местные алкаши могли рассчитывать на вполне сносные подаяния, а ключи от своей квартиры всегда можно было оставить соседям или, на худой конец, спрятать под коврик у двери. Коврики никто не шмонал и не тырил.

Все изменилось ныне. В двадцать первом веке на одной шестой части суши человек перестал быть человеку даже волком, с которым можно было бы образовать стаю. Жилые дома вместо положенных основательных двух лет стали воз-

водиться за считанные месяцы, а потому уже не внушали доверия по части долговечности. Дома стали «коробками». Обитатели отдельных ячеек в этих коробках постоянно менялись, не успевая оставить после себя никаких впечатлений, даже отрицательных, и последние уцелевшие романтики напрасно мечтали о возрождении коллективного разума.

Впрочем, дом номер 13 явно отличался от многих других, стоявших вдоль пыльной Тополиной улицы. У этой коробки, выкрашенной в красно-желтую клетку, была душа. Ее звали дядя Петя.

Он слыл местной звездой, без которой не обходился ни один мало-мальски значимый праздник. Причин тому было несколько: во-первых, Петр Аркадьевич умел создавать алкоголь из воздуха в самые ответственные моменты, когда ни у кого не было ни желания, ни здоровья бежать в магазин к автобусной остановке; во-вторых, Петр Аркадьевич знал кучу анекдотов на все случаи жизни, коими затыкал любую неловкую паузу в разговоре; в-третьих, дядя Петя —

в прошлом преподаватель музыкального училища — почти всегда носил с собой аккордеон.

Фамилии его никто не знал, поскольку он всегда представлялся либо дядей Петей, либо по имени-отчеству и документов никому не показывал. Возраст его тоже никто определить так и не сумел, хотя причудливый рисунок морщин на смуглом лице, неэлегантно заросший подбородок и спрятанная за бодрой улыбкой вселенская тоска позволяли пред-

положить, что мужчина пожил при всех шестерых генсеках КПСС, причем пожил далеко не в шоколаде. В какой квартире он живет – толком никто не знал. Поговаривали даже, что он вообще обитает в одном из давно обжитых соседних домов или в другом конце города, а может, и бомжует на за–дворках гаражей, иногда выползая к людям по вечерам, словно оголодавший за день вампир. Черт его знает... Но – с ним всегда весело, он всегда на месте, и от него никогда не ждешь подлянки. Железная и безотказная кандидатура для любого Дня взятия Бастилии!

Впрочем, иногда он преподносил сюрпризы. Как вечером того самого дня, когда экстрасенс Михаил Поречников навещал своего абитуриента.

Дядя Петя пил коньяк в одном из гаражей под окнами. Бетонная коробка обрела нового хозяина – сорокалетний бизнесмен по фамилии Семенов недавно прикупил в этом доме трехкомнатную квартиру, сразу же подсуетившись насчет стойла для своей кремовой «камри», и теперь решил обмыть это дело с соседями. Никто из них не возражал.

Соседей было четверо, включая дядю Петю. Двое, Саша и Ваня, принадлежали примерно к той же возрастной и весовой категории, что и виновник торжества – 35—40 лет; третий, Владимир Петрович, был седовлас и мудр, как старая черепаха, на которой покоился мир. У относительно молодых Саши с Ваней в гаражах соответственно стояли подержанные «девяносто девятая» и «пятнашка», а у седовла-

сого пенсии и доходов бомбилы хватало только на содержание древней грязно-синей «копейки». Таким образом, сложилось весьма демократичное автомобильное сообщество, особенно если учесть, что у дяди Пети из колесного транспорта была только старая тележка для перевозки тяжелых сумок.

Сначала накрыли поляну на капоте семеновской «камри», припаркованной под окнами, потом поняли, что это неудобно и не совсем безопасно для лакокрасочного покрытия, и перетащили импровизированную скатерть, «сотканную» из страниц прошлогодней «Комсомольской правды», на бетонный пол пустого гаража.

– Ну давай, братан, за новоселье, – произнес первый тост суетливый Ваня и протянул Семенову пластиковый стаканчик с коньяком.

– Да, пусть у тебя все стоит где надо и как надо, – добавил немногословный Саша.

– Лехайм, – продолжил Владимир Петрович.

Дядя Петя, от которого по традиции ожидали длинной и громкой тирады, состоящей из изречений Конфуция и цитат Петросяна, ограничился лишь короткой песенкой.

– Все путем, мужики, – заметил он, поставил стакан с коньяком под ноги, закинул ремни аккордеона на плечи и затянул ласково-майское «Детство»: – А я хочу, а я хочу опять... по крышам бегать, голубей гонять... ля-ля Наташку... дергать за косу... на самокате мчаться по двору! Эх...

Пока он пел, мужики с довольным кряхтением приговорили каждый свои пятьдесят граммов, занюхали ломтиками лимона и даже соизволили поаплодировать.

Октябрьский вечер опускался быстро и величаво. В гараже становилось темно.

– Так полностью и не заселили домишко-то, – проговорил Владимир Петрович, кивнув на загорающиеся окна десятиэтажки. С этой стороны дома, смотрящей на бескрайний пустырь, светилось всего с десятков окон.

– Парадокс, однако! – подхватил дядя Петя, перебирая пальцами клавиши аккордеона. – Коробки эти втыкают тут и там, как дети в песочнице солдатиков, а их все равно не хватает, и при этом новые дома стоят полупустые.

– Дорогие квартиры, – сказал Ваня, вновь наполняя стаканы. – Ты почему здесь брал, Леха?

Семенов не спешил раскрывать коммерческую тайну. Вообще он вел себя так, словно пригласил в гости из деревни бедных родственников, никогда не видевших асфальта. Некоторое высокомерие проскальзывало во взгляде, в движениях и интонации, и это не осталось незамеченным его сегодняшними собутыльниками. Впрочем, стопроцентных оснований считать Семенова законченной задницей пока ни у кого не было.

– Лимона три поди отдал за трешку-то? – продолжил допрос непосредственный Ваня, протягивая мужчинам наполненные стаканчики.

– Ну, почти где-то так, – согласился Семенов.

– Плюс, конечно, ремонт и прочая фигня, если без отделки брал. Наверняка ведь без отделки?

Семенов молча кивнул.

– Я вот тоже когда въехал в свою полуторку год назад, просто охренел, – трещал языком Ваня. – Сан–узла, считай, нет – ни унитаза нормального, ни кранов, ни труб. Разводку сам делай, ванна дерьмо, душевую кабину надо ставить. Считай, еще несколько сотен отдай ни за хрен собачий...

Он еще долго жаловался на тяжелую жизнь простого россиянина, купившего однокомнатную квартиру в новостройке в почти экологически чистом районе, но его никто не слушал. Саша жевал лимон, Владимир Петрович читал заголовки с газетной «скатерти», а дядя Петя всматривался в светящиеся окна на самых верхних этажах.

– Ну что, други мои, по второй? – предложил Ваня. – Пусть твоя «япошка», Леха, живет-поживает в этом гараже, и пусть у тебя с крыши не капает... и с конца тоже!

Он рассмеялся. Семенов ответил на тост великодушной улыбкой, дав понять, что оценил шутку.

Снова молча выпили, закусили лимоном. Веселья пока не намечалось, и это было странно.

– Дядь Петь, сыграй чего-нибудь! – предложил скромный Саша.

– Да, действительно, – присоединился Иван. – А то тишина какая-то нездоровая. Замути что-нибудь эдакое, как ты

умеешь, отработай коньячок-то!

«Музыкант» отвел взгляд от верхних этажей дома и смирил заказчика тяжелым взглядом.

– Чего изволите? – без улыбки спросил он.

– Ну, что-нибудь массовое, народное, чтобы душа развернулась! Как в прошлый раз, помнишь, у Николашки рождение сына отмечали! Или ты еще не выпил нужного количества на выступление?

Дядя Петя улыбнулся одними уголками губ.

– Чтобы душа развернулась, говоришь... Знаешь, у иного индивида душа как солнечная батарея: выйдет на орбиту, развернется так, что гуманоидам на альфа Центавра видно. А иной засранец всю жизнь колупается в своей норке, как мышь навозная, собирает крошки, складывает их в ямку, набивает пузо и тоже все время думает, что у него душа есть. И ведь попробуй докажи ему, что он бесполезный для общества мудак! Не поймет!

В гараже повисла еще более нездоровая тишина. Владимир Петрович отвлекся от газетных страниц, глянул на дядю Петю из-под бровей и едва заметно улыбнулся. Иван и Саша были озадачены. Голос подал только виновник торжества. Семенов поставил опустошенный стаканчик, вынул сигарету, закурил и, сверкнув стальным зубом, поинтересовался:

– Ты это о ком?

– Так, о людях, – отмахнулся дядя Петя.

– О которых?

– О всяких.

Семенов усмехнулся:

– Ну, тогда скажи еще что-нибудь об этих людях, не стесняйся, здесь все свои.

Дядя Петя начал тихонько наигрывать музыкальную тему из фильма «Эммануэль».

– Люблю счастливых людей, – говорил он поверх мелодии. – Иной дуралей не знает, что он дуралей, считает себя центром вселенной и не напрягает нервную систему рефлексиями по поводу чести и совести. Спит спокойно, видит сладкие сны, а утром просыпается и гадит кому-нибудь в душу. Ночью опять спит как младенец, а неудачи свои объясняет чьими-нибудь происками и завистью. Скажи мне, друг Алексей, отчего такая сволочь крепче в этой жизни держится, чем все прочие?

«Эммануэль» все еще застенчиво переливалась в мехах аккордеона, настраивая на лирический лад, но Семенов вдруг помрачнел.

– Слышь, мужик, – сказал он, – не грузи, а? У меня сегодня праздник, я пашу как сволочь с утра до вечера, а ты мне расслабиться мешаешь. – Семенов обернулся к остальным с вопросом: – Он всегда такой чудик?

Мужчины покачали головами.

– Ну, так если пришел, пей молча и радуйся жизни. Не хочешь – вали!

И Семенов снова стал разливать коньяк. Впрочем, на

дядю Петю его выпад не произвел должного впечатления. Бывший преподаватель музыкального училища и дипломант всесоюзных и международных конкурсов по-прежнему пиликал на аккордеоне и мечтательно смотрел в окна дома.

Следующий заход обошелся без его участия. Семенов из принципа ему не налил, а озадаченный Иван лишь толкнул в плечо, пробормотав: «Какая муха тебя укусила сегодня?» Веселье пока так и не началось. Впрочем, через несколько минут о его гипотетической возможности можно было совсем забыть.

Мужчины тихо переговаривались между собой, обсуждая летние покрывки, чьи-то лошадиные силы и способы вентиляции гаража, и никто не заметил, что дядя Петя прекратил играть, опустил руки и стал напряженно вглядываться во что-то наверху. Он даже вышел немного из гаража, приложил ладонь к глазам, заслоняясь от света уличного фонаря. Так он стоял несколько долгих секунд, потом тихо пробормотал:

– Вот же черт...

Его услышал только Саша, не участвовавший в общем разговоре.

– Что там, дядь Петь?

Молчание в ответ. Дядя Петя лишь сильнее сощурил глаза. Затем в какие-то считанные секунды выражение его лица претерпело кардинальные и молниеносные изменения: от любопытствующего до испуганного.

– Дядь Пе... – хотел повторить свой вопрос Александр, но не успел.

– Ах ты ж зараза!!! – заорал Петя. – Разойдись!!!

Он запрыгнул обратно под крышу гаража. Все присутствующие успели лишь повернуть головы в его сторону.

Через мгновение на капот и лобовое стекло семеновской «тойоты-камри» как-то буднично, без всякого пафоса и особого шума рухнуло что-то тяжелое и длинное. Оно разбило стекло и, спружинив, частично провалилось в салон. Зрителям этого необычайного зрелища потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что же это упало.

Сообразив, они присели от ужаса.

– А-а!! – завыл Ваня.

– Ёп... твою в три бога душу... – выдавил Владимир Петрович, хватаясь за подбородок.

Семенов ничего не сказал, он лишь отпрыгнул к дальней стене гаража и раскрыл рот, словно выброшенная из воды рыба.

– Блин, это ж Катерина... – резюмировал Александр.

Они еще немного постояли молча, созерцая кошмарную картину: голова, руки и туловище женщины свалились внутрь на пассажирское сиденье машины, рыхлые ягодицы и голые ноги лежали на капоте. Все было усыпано стеклянной крошкой и забрызгано кровью.

– Звоните в милицию, – сказал дядя Петя.

Никто не пошевелился.

Екатерина Сабитова жила с тридцатилетним сыном Пашенькой. Он купил квартиру в этом доме год назад и забрал с собой мать, обитавшую тогда в старой «хрущевке» на заводской окраине. Парень был менеджером какой-то крупной телекоммуникационной компании, зарабатывал неплохо, но жениться не торопился (чей-то длинный чесоточный язык пустил слух, что девушки как сексуальные объекты его вообще не интересовали), а потому не видел никаких для себя неудобств, если стареющая маман займет маленькую комнату слева от туалета. Тем более если она время от времени будет стирать ему трусы, жарить котлеты и мыть полы.

Жила Екатерина не сказать чтобы тихо-мирно, но особых проблем соседям не доставляла. Разве что иногда вечерами колотилась в двери, умоляя позвонить в милицию, «чтобы забрали эту суку и сволочь», то есть любимого сыночка, – а так в целом все было вполне ничего. Сыночек, отмечавший дома с друзьями очередную победу над действительностью, порой запирал мамашу в ее комнатухе, не позволяя даже сходить в туалет. Если вместо побед поводом для загулов были поражения, то маман могло достаться и на орехи: по старой русской традиции (о которой и упоминал в гараже дядя Петя) Пашенька отказывался нести моральную ответственность за собственные провалы и предпочитал оттопыриться на «козе отпущения». Синяки и ссадины в критические дни сыночка частенько появлялись на Екатерином лице.

Она терпела несколько месяцев, уповая на помощь Господа и участкового милиционера, но в конце концов собрала вещи и умотала, оставив на столе записку, в которой известила непутевого отпрыска о своем скоропостижном отъезде в деревню к двоюродной сестре. Взбешенный Пашенька поймал мать уже на автовокзале – там же в зале ожидания устроил форменный разнос, едва не засветив в глаз, забрал ее чемодан и, схватив за локоть, поволок в машину. Первая попытка бегства не удалась.

Весь общественный актив двора, знакомый с ситуацией, рано или поздно ожидал взрыва. Те сознательные граждане, которые считали своим долгом вмешаться, видели, что лишь вредят. Все по той же старой русской традиции Пашенька Сабитов угрожал расправой всякому, кто сунет свой сопливый нос в чужие дела, и однажды расправу действительно едва не учинил: убеленный сединами Владимир Петрович как-то раз остановил Пашеньку на парковке во дворе, когда тот выходил из машины.

– Слушай, мальчик, – сказал он, стараясь говорить негромко, но твердо, – ты не прав.

– Вы о чем?

– Я о твоей матери. Ты приличный молодой человек, но ведешь себя, извини, как...

Пашенька выдернул руку из цепких стариковских объятий.

– Петрович, ты вроде тоже приличный мужик, и я тебя

иногда невыносимо уважаю, но не пошел бы ты со своими советами?

Владимир Петрович отказывался отступить без боя.

– Паша, ты редкая сука, понимаешь? Как ты только такую должность в такой солидной фирме занял! Твой начальник-то хоть знает?

– Он еще большая сука, чем я, – вроде бы дружелюбно усмехнулся Павел, но через секунду переменился в лице. – Слушай меня, старый хрыч, и своим сочувствующим передай: занимайтесь своими делами. У нас с матерью все в порядке, а если что-то не в порядке, мы сами разберемся. Ферштейн?

Он схватил Владимира Петровича за ворот рубашки, притянул к себе.

– Вы меня достали, друзья...

Это было в конце лета. После того разговора Катерина Сабитова появилась во дворе в огромных солнечных очках. Что за ними скрывалось, было понятно всем.

В сентябре она практически не появлялась на людях. Лишь изредка соседи по верхним этажам видели ее сидящей на балконе с книгой на коленях или с сигаретой в дрожащей руке. Примерно в то же время по телевизору показывали документальный фильм о знаменитой в прошлом актрисе Нине Сазоновой, которая, по слухам, жила с сыном в аналогичных условиях. Единственное, что отличало эти две истории, – то, что у Сабитовой сынок был вполне уважаемым типом,

и ни имущественных, ни наркологиче–ских, ни иных видимых причин третировать стареющую мать у него не было.

«Что же с ним произошло?» – подумал тогда Владимир Петрович, задумчиво глядя на экран.

Так ничего он и не придумал. В теплый и тихий октябрьский вечер Екатерина Сабитова упала на кремовую «тойоту-камри», принадлежавшую бизнесмену Семенову.

Место трагедии оцепили милиционеры. Рядом стояла карета «скорой помощи», толпились зеваки, услышавшие дикие вопли, и очевидцы самого происшествия. Дядя Петя давал показания первым. Он видел, как Катерина перед смертью курила на балконе восьмого этажа.

– Курила как-то странно, – говорил он, теребя ремень аккордеона, – нервно как-то. Свешивалась вниз все время, как будто что-то хотела прокричать. Я минуты две за ней наблюдал.

– Что потом? – спрашивал милиционер.

– Потом она бросила сигарету вниз, перекрестилась, залезла на табурет и... Короче, потом я заорал, чтобы все разбежались. Мы только успели отскочить – вон видите, что с машиной стало?..

– Вижу.

К месту происшествия подошел еще один милиционер – местный участковый, на которого при жизни уповала погибшая. Это был тридцатипятилетний, подтянутый и вроде

вполне добродушный парень. Во всяком случае, проблем с ним ни у кого из местных жителей пока не возникало.

Он подошел к очевидцам, со всеми обменялся рукопожатиями. Было видно, что он расстроен. Парень снял фуражку, вытер вспотевший лоб.

– Господи, что вы тут опять натворили?

Дядя Петя вместо ответа указал рукой на капот машины. Тело погибшей уже вытащили наружу и теперь укладывали в черный пакет.

– Сам не видишь, Ген? – добавил Владимир Петрович.

– Черт бы вас побрал, – беззлобно сказал тот. – Вечно что-то происходит. Мне тут у вас дежурить, как в солдатской казарме, чтобы друг друга не поубивали в одну прекрасную ночь?

– Может быть, имеет смысл, – сказал дядя Петя.

– Ага! – возмутился Геннадий. – Вот щас несколько кварталов брошу и займусь только вами! Жене с дочерью скажу, чтобы считала меня коммунистом.

– У тебя на несколько кварталов только один такой дом, – спокойно продолжил дядя Петя. – Уникальный, можно сказать. С этим ты не будешь спорить.

Геннадий не ответил. Он снова нацепил фуражку на макушку (она была ему мала), задрал голову, посмотрел наверх.

– Сынуля был дома? – спросил он после недолгого молчания.

– Не появлялся. Кажись, нету его, иначе давно бы здесь нарисовался.

– Звонили?

– Звони сам. Здесь желающих нет. Да и номером его никто не обзавелся. У тебя-то он хоть есть?

– Найдем.

Гена подошел к остальным наблюдателям. Владимир Петрович, Саша, Ваня и Семенов стояли у ворот гаража, в гробовом молчании допивая коньяк. Хуже всех выглядел бизнесмен: он, пожалуй, готов был смириться с тем, что его машина пострадала в результате «наступления обстоятельств непреодолимой силы», но он и представить себе не мог, что на капот любимой тачки рухнет чье-то тело. Теперь эта картина будет преследовать его бессонными ночами.

– Ваша «тойота»? – обратился к нему участковый.

Семенов лишь молча кивнул.

– Сожалею. Но советую утешиться: этой женщине повезло гораздо меньше.

– Да мне пох... – буркнул «потерпевший». – Не могла на пару метров левее или правее?..

Гена посмотрел на него грустно и даже немного брезгливо.

– Не напивайтесь пока. Вы все свидетели.

– Я еще не начинал.

– И не начинайте.

Он обернулся к дяде Пете, который уже закончил давать

показания.

– Пойдем сходим наверх?

– Один боишься? – улыбнулся аккордеонист.

– Ты поговори у меня. На пятнадцать суток наговоришь.

– Пошли, бояка.

Они оставили место происшествия. Когда огибали угол дома, Геннадий спросил:

– Слушай, этот владелец машины – как он?

– В смысле?

– В смысле, что за тип?

– Засранец, – пожал плечами дядя Петя. Гена больше не задавал вопросов, потому что коротких и емких характеристик, какими награждал людей дядя Петя, всегда было достаточно. Из термина «засранец» вытекало все остальное, с чем порядочному человеку лучше не иметь ничего общего.

Они вошли во двор, направились к подъезду.

– Опять у вас один фонарь на всю площадку! – проворчал Геннадий. – Из рогаток по ним стреляете?

Дядя Петя в ответ улыбнулся:

– Откуда только такое чудо у нас выискалось? И фонари-то он считает, и жителей по именам скоро всех запомнит. Мусоропроводы на наличие экологически грязных продуктов проверять не будешь? Где вас разводят таких, а? Я бы прикупил парочку для родственников.

Геннадий молчал, но дядя Петя чувствовал, что ему приятно было это слышать. Собственно, для того он хвалебную

речь и произнес в очередной раз – чтобы участковый не забывал этот дом и заглядывал сюда почаще.

Поднимались на восьмой этаж в лифте молча. Очевидно, давали о себе знать гнетущие предчувствия: несмотря на неплохую осведомленность, практически никто из местных жителей не бывал у Сабитовых дома. Что они там могли увидеть, бог знает, – наверняка ничего ужасного, поскольку вряд ли Пашенька мог опустить мать до уровня собаки, питающейся в углу комнаты косточками из супа, – но все-таки жилище самоубийцы, еще теплое от ее присутствия, может таить в себе много странного и довольно даже неприятного.

Они остановились на площадке восьмого этажа возле двери с номером «29».

– Ты начальник, ты и звони, – ответил дядя Петя на немой вопрос своего спутника. Геннадий фыркнул, нажал на кнопку звонка. За дверью прокряхтело что-то мерзкое, похожее на кряканье подстреленной утки.

– Что это? – удивился участковый.

– Звонок такой. Это шас модно – вместо колокольчиков, от которых мертвые встают, а живые умирают, вешать на звонки всяких фриков. Жми еще.

Гена нажал снова, сморщившись, потом еще и еще. Похоже, подстреленная утка крякала в квартире в полном одиночестве.

– Штается где-то, мерзавец, – сказал дядя Петя. – Звони ему на трубу.

– Слушай, – возмутился Геннадий, – может, ты не будешь мне подсказывать? Кто тут начальник, блин?

Дядя Петя похлопал его по плечу.

– Не обижайся на юродивого с гармошкой.

– Ты такой же юродивый, как я английский шпион. погоди вот, достанешь – пробью тебя по базе, душу вытрясу.

Участковый вынул телефон, набрал номер. С минуту стоял молча, приложив трубку к уху. Очевидно, абонент не спешил отвечать.

– Длинные гудки, – доложил озадаченный милиционер. – Блин, где его искать?

– погоди, – сказал дядя Петя, отодвигая парня в сторону и подходя ближе к двери. – Набери-ка еще раз.

– Что толку, я минуту его держал! Пьет опять где-нибудь с друзьями, сволочь преуспевающая.

– Нет.

– Что – нет?

Дядя Петя промолчал. Он приложил ухо к двери квартиры.

– Что ты там услышал, юродивый?

– Набери еще раз!

Геннадий подчинился, нажал кнопки повторного набора, снова приложил трубку к уху. Через несколько мгновений дядя Петя махнул рукой, давая знак сбросить вызов. Участковый выполнил команду.

– Поздравляю тебя, мент, – сказал наконец «юродивый»,

отходя от двери. – Вызывай своих домушников, ломайте дверь.

– Что там?!

– Телефон внутри. И Пашенька вроде еще жив.

Квартиру вскрыли в течение нескольких минут. Дверь удерживал лишь хлипкий навесной замок, который сумели выдавить хорошим нажатием плеча. Для этого позвали двух крепких ребят из следственной бригады, работавшей у гаражей под окнами.

В квартире стоял ужасный запах – смесь перегара, табачного дыма и еще какой-то гадости, идентифицировать которую с ходу не получалось. Всюду беспорядок. Очевидно, обитатели дрались, причем дрались с размахом, игнорируя мебель, бытовые приборы и хрупкие стеклянные предметы. Оперативники констатировали, что победу в этом семейном побоище за явным преимуществом одержала мать.

Окровавленный Павел Сабитов с пробитым черепом лежал на полу возле ванной и застывшим взглядом смотрел на вошедших.

– Не успели, – пробормотал участковый. – Веселая ночь сегодня, ребята.

У Михаила ночь тоже выдалась не из легких. Сначала мыслям было тесно в голове, а потом... потом их стало еще больше.

Он долго не мог заснуть, ворочался в своей постели, как уж на сковородке, смотрел в потолок, сфокусировав взгляд в одной точке, полагая, что в конце концов вырубится. Поняв бесперспективность этого способа, вышел на балкон в одних трусах, постоял на холодке минут пять, затем уже с гораздо большим удовольствием плюхнулся обратно в постель, закрыл глаза и стал считать баранов, как Нюша в «Смешариках».

Все равно ничего не получилось.

Природа, хоть и со значительным опозданием, дала о себе знать – экстрасенс ковырнул подсознание и, как занозу из гноящегося пальца, вытащил на свет причину своего беспокойства. Весь вечер его исподтишка донимала мысль о двух гвоздиках, висевших над дверным звонком квартиры номер «11» в том чертовом доме на Тополиной улице. Эти цветы не могли быть случайностью – дескать, изначально было три, одна просто упала, высохла или еще что-нибудь в этом роде. Гвоздики были свежие, Миша даже почувствовал запах. Это несомненно был сигнал. Причем сигнал нехороший.

Однажды Михаилу уже доводилось видеть такое незамысловатое послание. В конце девяностых годов, будучи старшеклассником, он ходил стричься в одну и ту же парикмахерскую недалеко от школы. Она занимала однокомнатную квартирку на первом этаже – скромно, без затей, без ненужной роскоши, а следовательно, и без особых ценовых накруток. Заправлял заведением один молодой предприниматель

по имени Сергей, а обслуживала клиентов его более чем приятная во всех отношениях молодая жена. Миша любил к ним приходить. Садясь в кресло, он отдыхал и душой, и затылком, тихая классическая музыка из магнитолаы убаюкивала, а теплые и мягкие руки парикмахерши Наташи уносили его в райские дали.

А однажды он увидел две гвоздики. Они висели на ветке тополя справа от входа в парикмахерскую. Чуть позже, сидя в предбаннике в ожидании своей очереди на стрижку, он как бы между прочим спросил у Сергея, что это значит.

– Это значит, мой юный друг, – сказал тот, наливая парню чай, – что ты больше не будешь здесь стричься.

– Почему?!

– Потому что кое-кто не хочет, чтобы здесь и дальше была парикмахерская, – ответил Сергей. Больше он ничего и не сказал, но Миша все понял без слов.

Не прошло и двух недель, как Сергей и Наташа отсюда уехали (Миша всей душой надеялся, что они «уехали» своими ногами, а не на труповозке). Вывеска «Парикмахерская “Колибри”» еще около недели висела над крыльцом, а потом в помещении начался ремонт. Через месяц, проходя мимо, Миша увидел в проеме двери чью-то жирную задницу, втиснутую в черные брюки, и услышал высокий голос, обещавший невидимому телефонному собеседнику большие проблемы по части здоровья. В этом помещении теперь располагалось какое-то мутное дизайн-бюро.

Что могли означать две красные гвоздики возле квартиры номер «11» в странном доме по Тополиной улице, Михаилу узнавать не хотелось, но мысли об этом знаке никак не желали его отпускать. С тех пор как Михаил понял, что после того страшного падения с детских качелей стал обладателем не—обычайного дара видеть и слышать то, чего не могут ни видеть, ни слышать простые смертные, его постоянно одолевали разные грустные мысли, и он частенько долго не мог успокоиться, если встречался с какой-нибудь мерзостью. Однажды, столк—нувшись на улице плечом со случайным прохожим, он буквально воочию увидел, как того режут на куски в какой-то темной подворотне трое бритоголовых подонков. Мужчина даже ничего не заметил, а Миша сразу отошел в сторону от тротуара, встал у дерева и долго пытался нормализовать дыхание. Да что там дыхание – его едва не вырвало! Конечно, он не мог точно знать, действительно ли человек попадет под раздачу или это просто мимолетный глюк, каковые с ним иногда все же случались, но весь вечер экстрасенс не мог прийти в себя и все думал об этом несчастном парне. Пожалуй, он до сих пор не знает, что это было.

– Долбаные гвоздики, – буркнул Миша, отвернулся к стене и в который уж раз попытался заснуть.

Черта с два.

Едва он сомкнул глаза и приготовился представлять себя в объятиях сочной блондинки с грудями, похожими на спелые груши («виртуальный секс») иногда выматывал и усыплял его

быстрее, чем пересчет виртуальных баранов), как в комнате раздалось что-то омерзительное и царапающее психику: «Бэ-э-эд бэ-э-эд бо-ойз – агааа! Ееее!»

Он едва не свалился с дивана. Несколько ужасающих секунд у него ушло на то, чтобы сообразить: звонит мобильный телефон. Михаил посмотрел на табло электронных часов – 03:18.

Он свесил ноги на пол, сел на краешек дивана, устался на телефон. Маленькая коробочка с синими огоньками ползала по тумбочке, издавая еще более омерзительное, чем музыка, похрюкивание. Будь Миша в лучшем расположении духа, он даже улыбнулся бы этой сюрреалистичной картине, но сейчас его тормозила другая мысль.

Ему казалось, что вечером, укладываясь в постель, он выключил у телефона звук. Впрочем, нет, *он был уверен*, что выключил.

«Ееее, агааа!» – орала трубка.

Миша протянул руку, перевернул телефон дис–плеем вверх. Здесь его ждал еще один сюрприз.

«Номер не определен» – гласила иконка на дисплее.

– Блин, – пробормотал Миша, и по спине его, от шеи до копчика, побежали мерзкие холодные мурашки.

Такого сообщения он еще ни разу не получал. Очевидно, что ничего сверхъестественного в нем не было – просто звонивший запретил определение собственного номера, – но в сочетании с необычным временем и кромешной тьмой в до-

ме это производило пугающее впечатление.

Михаил взял телефон в руки, подержал немного, попытался его «прощупать». Никакой информации. Не определился не только номер абонента, но и сам абонент, хотя обычно Миша без большого труда мог определить примерный пол, возраст и даже темперамент звонящего.

«Ееее, агааа!» – верещала трубка, действуя на нервы. Забитый в память кусок старого танцевального хита доигрывал до конца и начинался снова. Миша пообещал себе, что обязательно сменит мелодию: он и не представлял, что «Миди Макси» могут звучать так мерзко.

Он глубоко вдохнул. Выдохнул. Поднял левую руку и потер пальцами висок.

Нет, ничего не видно.

«Да и какого черта!» – подумал Миша и нажал на кнопку приема звонка. Затем осторожно поднес трубку к уху.

– Алло, – сказал он.

Тишина в ответ. Но кто-то дышал. Дыхание было размеренное, глубокое и отчетливое.

– Алло, говорите! – повторил Миша уже с раздражением. Кто бы он ни был, этот придурок, нельзя звонить посреди ночи и молчать! Напугал своим звонком – говори дело и докажи, что причины были весьма серьезные, или пошел к черту. – Вас не слышно!

– Да, – со вздохом прошептали в ответ.

Миша похолодел.

– Не понял?..

Глубокий и режущий вздох повторился, и затем так же шепотом, но уже отчетливо прозвучало:

– Да. Запереть девчонку в комнате... Запереть...

– Что?.. – Миша осекся. Он вдруг понял, что задавать вопросы бессмысленно.

Трубка еще дышала несколько мгновений, по-прежнему не позволяя угадать пол звонившего и его возраст, хотя и прекрасно демонстрируя состояние его легких, а потом очень буднично и без всяких предупреждений умолкла. Не было даже прощальных коротких гудков.

Миша бросил трубку на диван, вытер пот со лба.

«Это что-то новое в нашей практике, господа экстрасенсы», – подумал он и снова посмотрел на часы.

3:17.

Утром он был совершенно разбит. Не вылезая из-под одеяла, он позвонил в университет на кафедру, сказал, что приболел и ближайшие два часа будет травить свой организм пилюльками. Занятия в университете его ожидали лишь после полудня, а потому Миша действительно мог с чистой совестью сегодня с утра поваляться в кровати.

Травить свой организм он не стал. Вместо этого быстренько принял душ, позавтракал, взял цифровой фотоаппарат и отправился по вчерашнему адресу. Пока ехал в маршрутном такси, раздумывал о том, что произошло ночью. У него до

сих пор не было никаких версий относительно случившегося, хотя времени для поисков объяснения хватало – он так толком и не спал, все ворочался в постели, глядя на зеленые цифры электронных часов. Либо он перезанимался со своими студентами и стал хуже видеть, либо у часов что-то сломалось, либо...

«А, да брось ты, старик! – мысленно отмахнулся от этих мыслей Миша. – Ты снова вляпался, как тогда с вавилонской камерой, и тебе прекрасно известно, что никаких „либо“ быть не может – к гадалке не ходи».

Это действительно было так. Иногда Миша действовал интуитивно, не задавая никаких вопросов и уж тем более не ожидая никаких ответов, и он прекрасно знал, что движется в правильном направлении. Он наделил необъятными полномочиями своего внутреннего штурмана. В его воображении это был маленький лысый мужичок-пофигист, который «сам знает, как надо». Он жует жвачку, чешет в затылке, делает многозначительное лукавое лицо, и вскоре как бы начинаешь верить, что он действительно чем-то эдаким владеет. Случались, правда, и казусы: Миша часто оказывался там, где нормальному человеку быть не следовало, и занимался делами, которые находились, скорее, в компетенции ассенизаторов или ментов. Но иногда, черт возьми, «лысый штурман-пофигист» приносил в зубах обалденную добычу, и за это Миша прощал ему всю его бестолковую самодеятельность.

Во дворе дома номер «13» по Тополиной улице этим солнечным, но довольно зябким утром наблюдалось оживление. Во-первых, Михаил сразу отметил милицейскую машину, припаркованную возле одного из подъездов. Во-вторых, на углу мельтешила толпа, неожиданно многочисленная для восьми утра: человек десять мужиков разного возраста и сорта суетились вокруг чего-то большого и тяжелого. Лишь дойдя до середины двора, Миша понял, что они буксируют побитую тачку от гаража к дороге.

В-третьих, под «грибком» детской песочницы сидел странный мужичок – в плащевой стройотрядовской куртке, надетой поверх тельняшки, в потертых джинсах и с аккордеоном на коленях. Мужичок курил самую настоящую классическую папироску с приплюснутым и замусоленным раструбом – таких Михаил не видел в чьих бы то ни было зубах уже тысячу лет.

– Здравствуй, добрый человек, – сказал мужичок.

– Доброе утро, – сказал Миша, останавливаясь возле песочницы. Он понятия не имел, зачем он это сделал – его «штурман» продолжал работать вместо него.

– И тебя тянет на место преступления? – без всяких светских переходов и прелюдий произнес мужичок.

– Что, простите?

Дядя Петя улыбнулся, стряхнул пепел папиросы в песок.

– Не удивляйся, добрый человек. Сегодня мы все не в себе. Вон, гляди, – он кивнул в сторону бурлаков, тащив-

ших несчастную семеновскую «тойоту», – чем развлекаются с утра местные алкаши. На нормальный эвакуатор эта чванливая жопа денег пожалела, решила бутылкой отделаться.

Миша молчал, совершенно не врубаясь в тему монолога. Впрочем, дядя Петя сам сообразил, что несет околесицу.

– Ты не парься, друг, – пояснил он, – просто здесь у нас беда случилась вчера вечером. Я, например, так спать и не ложился, когда все это увидел. А Семенов, мать его, весь коньяк высосал, что у него был. А коньяка у него, я тебе скажу, как говна за баней... Хы-х, оказалось, что он им торгует, мудило грешный!

Миша внутренне подобрался.

– Что тут у вас опять стряслось?

– Опять? – переспросил дядя Петя. – И ты уже в курсе?

– Немного. Я репетитор по истории, у меня ученик в вашем доме живет. Он что-то подобное рассказывал.

– По истории? Понятно.

Дядя Петя умолк, окинул Михаила любопытным взглядом. Впрочем, нет, не любопытным даже, а каким-то просветленным, словно простая ивановская ткачиха, увидевшая живого президента.

– Что-то не так? – удивился Миша.

– Все нормально. Просто задумался...

Возникла пауза.

Местные алкаши все так же тащили машину к магистрали. Впрочем, Миша на них не смотрел. Его заинтересовал

этот странный тип в тельняшке и с гармошкой. Он сделал робкий и осторожный шаг в его сторону, затем так же осторожно поднял руку и поднес ее к левому виску. Он был уверен, что сможет даже на таком расстоянии «распечатать объект», если постарается.

Его жестоко обломали.

– Э, погоди, брат! – воскликнул дядя Петя, поднимая руку, словно для защиты. – У меня башка сегодня раскалывается! Говорю же, не спал всю ночь.

У Михаила отвисла челюсть. Мужичок его раскусил?!

– Не парься, – словно прочитав его мысли, бросил тот. – Иному индивиду не надо много книжек читать, чтобы чувствовать очевидные события...

Миша смутился.

– Тут у нас семейная драма, японка мать... – Дядя Петя опустил голову и принялся тушить и закапывать папироску в песочнице. – Творческий вечер Шекспира и Петросяна... Сынуля взял престарелую мать к себе домой, предварительно продав ее квартиру, и начал проявлять сыновнюю любовь и заботу с такой страшной силой, что бедная женщина не выдержала и стукнула его молотком по голове. Сама она потом решила немного полетать, но не учла законов физики... Тьфу, елки зеленые, чтоб у меня язык отсох, совсем ничего не соображаю с недосыпа...

Он прервал свое занятие. Измочаленный раструб папиросы торчал из песка, как памятник на маленькой безымянной

могиле.

– Вот такие дела у нас делаются. Кстати, мы не знакомы.

Петр. Можно без отчества, фамилии и гражданства.

Он поднялся, позволив аккордеону с ленивым стоном повиснуть на плечах, и протянул руку. Теперь он уже не опасался, и Миша это почувствовал.

– Михаил, – представился парень, приняв рукопожатие. Рука дяди Пети была теплой и уютной, сам он по жизни был довольно добродушным малым, но с какой-то червоточинкой... какой-то тайной внутри, словно...

– Хватит на первый раз. – Петр отнял руку и снова сел на бортик песочницы. – Увидимся еще, добрый человек Михаил.

И он принялся наигрывать мотив из старого советского фильма.

– Возможно, – ответил Миша и направился к дому.

«Еще одного нашел», – подумал он о своем новом знакомом. Такие типы, не обладающие явными экстрасенсорными данными, но все же способные распознать «вторжение» и даже препятствовать ему, попадались довольно редко, и более близкого знакомства с ними он никогда не избегал. Пожалуй, общение с Петром можно будет продолжить.

Миша приближался к подъезду. С каждым новым шагом возвращалась прежняя тревога. Он не мог избавиться от ощущения, будто ему сейчас сдавать какой-то важный экзамен перед представительной комиссией, а предметом он со-

вершенно не владеет. В жизни он таких эмоций давно не испытывал – разве что в средней школе, – а вот на уровне аналогий ощущал почти кожей. Глупая тревога, глупые страхи и почти нестерпимое желание опорожнить кишечник, черт бы его побрал в такой важный момент!

«Надо заканчивать занятия в этом клоповнике», – подумал экстрасенс.

На парковочной площадке перед домом он остановился, пытаясь определить нужный подъезд. Он поднял руку, прикоснулся к виску. Почему-то в голове крутились цифры 9 и 2 (разумеется, если не считать те проклятые две единицы!). Квартыры под номером «92» здесь быть не могло, а вот «29» – это слева, в том же подъезде, где проживал ленивый и амбициозный абитуриент Васька Дрель. Михаил повернулся было налево...

...но вновь остановился. Справа тоже что-то было не так. Даже *более не так*, чем в первом подъезде, и внутренний штурман настойчиво звал парня туда, словно мальчик, тянущий родителей за рукав к лотку с мороженым.

«Блин, сволочь!» – подумал Миша и пошел направо.

Дверь второго подъезда была оснащена домофоном, но открыта настежь – кто-то положил на ее пути увесистый камень. Миша попытался толкнуть его ногой и сразу понял, что без этого камня огромная и невероятно тяжелая дверь в один прекрасный день может кого-нибудь если не убить, то наверняка покалечить. Совершенно очевидно, что она здесь

практически не закрывается. В том подъезде, где жил Васька, дверь была попроще и менее людоедская.

– Всё через одно место, – буркнул молодой человек, вынимая из внутреннего кармана куртки фотоаппарат. – Двадцать первый век на дворе, а у нас одна пара валенок на двоих.

Он сделал пару снимков двери, потом с нескольких ракурсов щелкнул камень. Оглядевшись во-круг, чтобы удостовериться в отсутствии любопытных взглядов (хотя он понимал, что лучший способ привлечь зевак трудно придумать), Миша отошел на пару шагов, поднял аппарат вверх и сфотографировал окна с третьего этажа по десятый. Прежде чем войти в подъезд, он оглянулся в сторону песочницы.

Дядя Петя не сводил с него глаз.

– Давай и тебя прихватим на память, добрый человек, – буркнул Миша и навел объектив на мужичка с гармошкой. Тот приветственно поднял руку. Миша нажал на кнопку и помахал в ответ.

В самом подъезде было темно, пахло сыростью и гнилью, словно в какой-нибудь давно забытой богом и ЖЭКом «хрущевке» с неработающим мусоропроводом. Миша отметил, что в соседнем подъезде порядка было больше. Он поднялся на площадку первого этажа, подошел к дверям лифта, нажал кнопку вызова. Механизм откликнулся с глухим и царапающим стоном, словно разбуженный дракон. Миша невольно отошел на пару шагов назад. Он по-прежнему был уверен,

что ни за что не заберется в кабину – ни в этом подъезде, ни в соседнем. С лифтами в этом доме явно что-то не в порядке.

Через полминуты кабина опустилась вниз. Автоматические двери открылись. Миша заглянул внутрь и от неожиданности едва не покатился с лестницы.

Из темноты кабины прямо на него шел человек.

– А!!! – заорал Миша, отмахиваясь от силуэта рукой.

Силуэт точно так же начал размахивать руками.

Миша застыл.

Застыл и силуэт.

– Тьфу, твою мать...

Миша вытер пот со лба и тут же огляделся, опасаясь обнаружить свидетелей. Вот была бы потеха, если бы кто-то увидел, как непрошенный визитер шарахается от своего отражения в лифтовом зеркале!

«Ты сходишь с ума, – думал Миша, приводя в порядок свое сбившееся дыхание. – Саакян был прав: если ты не научишься грамотно пользоваться своими способностями, то первое же серьезное дело тебя уकोшит. Видеокамера Вавилова на самом деле могла быть всего лишь разминкой».

Едва он вспомнил фамилию своего коллеги, конкурента и недоброжелателя профессора Саакяна, как память тут же услужливо подсунула и его физиономию – довольную хищную маску с прищуренными глазками, прикрытую сверху жиденьким пучком седых волос. Руки у Михаила произвольно стали сжиматься в кулаки.

«Надо быть добрее к людям, молодой человек, – звучал в ушах вкрадчивый профессорский голос, – добрее и внимательнее. Сейчас вы, Михаил Вячеславович, ведете себя как юноша, выигравший в лотерею миллион долларов. Вы радуетесь неожиданно свалившемуся на вас счастью, вы начинаете тратить деньги направо и налево, не задумываясь о том, что они когда-нибудь закончатся. Вы верите, что сможете решить с помощью этих выигранных денег любые проблемы, сможете заткнуть любые бреши, но вы не осознаете, что подобное счастье весьма быстротечно. Я вас уверяю, Михаил Вячеславович, если вы не научитесь работать со своим даром, вы либо его потеряете, либо однажды вас найдут в канаве с пробитым черепом. Можете пользоваться моим советом бесплатно, пока я добрый».

– Вот же говнюк, – буркнул Миша. Он повернулся к закрывшимся дверям лифта спиной, проверил фотокамеру и стал подниматься по лестнице на второй этаж.

Квартиры, квартиры, квартиры. Такие однотипные и такие разные. Двери железные, двери деревянные, хлипкие, массивные, с глазками охранной системы и без них, с ковриками для вытирания ног и просто заплеванные семечками... Не прошло и года, как квартиры приобрели черты индивидуальности, а запах нового, нетронутого жилья почти без остатка выветрился, проиграв войну ароматам жареной картошки, залитых водой пепельниц возле мусоропроводов и свежевystиранного белья.

Миша миновал без остановки первые два этажа, не обнаружив там ничего интересного, а на третьем остановился. Двери квартир под номерами с 49-го по 52-й были совершенно одинаковы – четверо черных и, судя по размерам, чудовищно тяжелых ворот с массивными ручками. Две крайние квартиры были оборудованы сигнализацией, и горящие светодиоды свидетельствовали об отсутствии хозяев, а вот в двух скворечниках посерединке происходило что-то увлекательное.

Миша отступил на шаг назад, упершись спиной в перила, направил объектив фотокамеры на дверь под номером 50 и быстренько щелкнул. Затем так же поступил и с соседней квартирой. Затем, убрав камеру в карман, Миша подошел к распределительному щитку между квартирами, опустил голову и вытянул руки в разные стороны, словно приготовившись для обыска.

«Если тебя увидят в такой позе, можешь считать, что твоя карьера репетитора в этом доме закончена, – подумал Миша. – И это в лучшем случае».

Впрочем, скоро он убедился, что корячиться на этой площадке, изображая электромонтера в подпитии, стоило.

«Ну, блин, сколько тебя можно ждать?! – вопил кто-то в квартире под номером 51, что была справа. – У меня уже все горит!»

«Иду тушить!»

Миша увидел мужчину лет сорока пяти в белой и не очень

свежей майке и сдобную дамочку, с разбега рухнувшую на него всем своим телом. Кажется, намечался утренний супружеский секс, что-то вроде десерта на завтрак, но у дамочки на уме совсем другие мысли. Сейчас она его трахнет, а потом... Миша коснулся пальцем левого виска... а потом, пока этот расслабленный пельмень в драной майке будет валяться на кровати, глядя в потолок и мечтая о кружке пива, сдобная дама, возможно, обчистит его карманы и распотрошит записную книжку. И вечером будет праздник!

Миша усмехнулся. Позабавили его сейчас не столько чужие семейные обстоятельства, сколько легкость, с какой он их прочел с приличного расстояния. Он был уверен, что прочел их правильно.

В левой квартире молодая женщина набирала номер на старом дисковом телефоне. Она нервничала, смотрела на часы, сбрасывала номер и набирала его снова. Губы ее постепенно превращались в мочалку, на коже вокруг ногтей больших пальцев появились капельки крови. Девушка мысленно повторяла какие-то только что изобретенные молитвы. Она обещала простить, обещала никогда не ругать, не жаловаться и не плакать – она обещала сделать все, что он пожелает, лишь бы он вернулся живым и невредимым...

Миша помрачнел. Он сделал шаг влево, приблизился к двери, приложил к ней ладонь. Металл был холодным, а за ним чувствовался теплый, но, увы, готовый рухнуть чей-то маленький мир.

Молодая женщина была на грани срыва. Пожалуй, ей осталось еще пару раз набрать телефонный номер, наткнуться на длинные гудки и разразиться потоком слез.

«Только бы он был жив, только бы жив, только бы жив... Сволочь, ты живой, гад!!!»

Миша зажмурился. Чудовищная энергетика из квартиры хлестала словно вода из пожарного гидранта. Долго такое выслушивать нельзя, иначе сам свихнешься.

Михаилу было жаль женщину: все ее молитвы уже не имели никакого смысла, потому что тот, кого она так ждала, не придет. Не факт, что мужчина мертв, и конкретных деталей Миша не видел, но он уже знал, что связь между этими людьми разорвана.

Миша отошел от двери, повернулся к ней спиной, вытер лицо, стряхнул руки, сделал глубокий вдох и такой же глубокий выдох.

«Вот так, хорошо, расслабляемся, снимаем это с себя, снимаем... Так, отлично».

Он поднялся на четвертый этаж, но не стал там задерживаться – просто сделал несколько снимков. Точно так же поступил и на пятом, и на шестом. Когда понимался на седьмой, его спугнули – прямо у него над головой этажом выше лязгнула дверной замок. Кто-то пошлепал в домашних тапочках к мусоропроводу. Миша сначала прижался к стене, потом сообразил, что спускающийся абориген с мусорным ведром его в любом случае увидит. Поэтому Миша как можно

спокойнее прошествовал к лифту и нажал кнопку вызова.

С ведром к мусоропроводу спускалась седая сухонькая старушенция в халате до пят. Она бросила на Михаила равнодушный взгляд, потом долго вы-тряхивала из ведра свой мусор, поднимая ужасающий грохот. Она уже возвращалась в квартиру, когда перед Михаилом открылись двери лифта.

«Черт, как я мог забыть об этом!» – подумал он.

Проклятая старуха остановилась на ступеньках и уставилась на Михаила. Выбора у него не было – либо входить в кабину (чего он поклялся никогда не делать), либо разбираться с бабкой.

Она смотрела прямо на него. «Ты кто такой? – говорил ее тяжелый и неприятный взгляд. – Да-да, именно ты! Я к тебе обращаюсь!»

У Миши снова по спине побежали мурашки.

– Что вы хотите? – спросил он.

Старуха молчала. Вместо ответа она медленно положила сморщенную желтеющую руку на перила. Маленькие черные глазки впились в Михаила.

Лифт, не дождавшись пассажира, захлопнул двери.

– Что вы на меня так уставились? – предпринял Миша еще одну попытку найти общий язык с местным населением. Впрочем, он был уверен, что и на этот раз ведьма не удостоит его ответом.

– Кхх, – произнесла старуха.

– Извините?..

– Хрррр... – выдохнула та.

Миша хлопал глазами и ничего не понимал. Старуха между тем аккуратно опустила зеленое пластиковое ведро на ступеньку, разогнулась, оперлась локтями на перила и снова устала на Михаила. Только взгляд теперь был...

«Господи, валить надо отсюда», – подумал парень.

Ему показалось, что зрачки у нее почернели. Она вытянула одну руку, медленно сжала ее в кулак, выпустив вперед указательный палец.

– Хррр... хххх... – задышала она.

– Так, все понятно, – сказал Миша и направился к лестнице. Старуха по-прежнему смотрела на него. – Бабуся, иди спать! Сумасшедший дом какой-то...

Шесть этажей он пробежал не останавливаясь. Когда выскочил на улицу, сразу ощутил разницу: воздух внутри дома был тяжелый, сдавливающий грудь. Он никогда не смог бы здесь жить.

За 18 дней до Большого Взрыва

Октябрь – странный, непредсказуемый месяц. В этом году он выдался неожиданно мягким, сухим и даже солнечным, за исключением нескольких мерзопакостных дней. Теплые куртки и дубленки все еще дожидались своего часа в пыльных шкафах, а традиционно депрессивные по осени горожане получили возможность немного пощеголять в более-ме-

нее изящных нарядах.

В то нежно-желтое октябрьское утро студент-химик Костя Самохвалов, 21 года от роду, проснулся как обычно. Он открыл глаза, посмотрел в белый потолок, сел на диване и стал механически натягивать свежевystиранные синие носки и тщательно отутюженные черные брюки. Потом он включил телевизор на канале «Культура», глянул на термометр за окном (плюс 12 в тени!) и неспешно надел рубашку. К завтраку он всегда выходил полностью одетым, причесанным, надутым, похожим на солиста хора мальчиков-зайчиков, и не было в природе еще той силы, что могла бы его убедить нарушить привычный утренний ритуал. Представить Костю Самохвалова за завтраком в футболке с изображением Че Гевары и джинсах или хотя бы в домашнем халате было невозможно. Это была бы настоящая катастрофа!

– Доброе утро, мама, – без всякого выражения произнес Костя, присаживаясь к столу. Мать, Елена Александровна Самохвалова, в девичестве Гольдберг, интеллигентная и еще довольно свежая и привлекательная в свои 50 лет женщина, не оборачиваясь кивнула в ответ. Она стояла у плиты и жарила яичницу.

– Мне, пожалуйста, два яйца, – продолжил унылый монолог Костя, – и, если возможно, без соли. Это возможно?

Елена Александровна повернулась к нему. Несколько секунд она молча изучала сына, затем со вздохом, в котором читалась уже ничем не излечимая тоска, произнесла:

– Это возможно, Константин Михайлович. Капуччино подавать со сливками на подносе с серебряными ложечками, или достаточно будет обычного растворимого в кружке?

Костя вскинул брови. Это была первая заметная эмоция на его постной физиономии.

– Мам, как ты спала сегодня?

Женщина вернулась к своему занятию – приготовлению яичницы.

– Спала как обычно – в одиночестве.

– А что тогда случилось?

Она ответила не сразу. Она просто не знала, что ответить. Вот у мужа, царствие ему небесное, всегда хватало ума, такта и, главное, умения так встряхнуть этого парня, что он вмиг вспоминал, в какой стране живет и почему в этой стране не любят инопланетян. Михаил Самохвалов был добр, мудр и терпелив – когда требовалось, он мог разговаривать даже с табуретками и плинтусами, и те его слушали.

– Ничего не случилось, – со вздохом бросила мать. – Просто мне кажется, что тебе пора снова сходить к Татьяне Николаевне.

Костя нахмурился.

– Почему ты так решила?

Мать поставила перед ним тарелку, придвинула приборы и хлебницу. Себе она накрывать почему-то не стала, а присела на стул напротив.

– Мне кажется, Костя, ты снова замыкаешься. Это не

очень хорошо. М-м?..

Парень молчал. Тишину нарушал только работавший в его комнате телевизор.

– Если я не делаю замечаний, это не значит, что я ничего не вижу, – продолжала Елена Александровна. – Я все вижу. Ты давно не общаешься не только со мной – господи, уж это я как-нибудь переживу! – но ты ни с кем не общаешься и за пределами этого дома. Нельзя быть окруженным людьми и молчать с утра до вечера. Это вредно!

Костя продолжал игнорировать ее слова – он молчал, опустив голову и уставившись на свою нетронутую глазунью.

– Сынок, тебе крайне необходимо с кем-нибудь разговаривать. Хотя бы просто о погоде!

Костя поднял голову, кивнул в сторону окна.

– Я там не знаю никого, с кем имело бы смысл обсуждать даже погоду, не говоря обо всем остальном.

– Тогда сходи к Татьяне Николаевне! Она опытный специалист и тебе уже неоднократно помогала.

– Знаю. А зачем?

– Что – зачем?

– Зачем мне сейчас с ней говорить?

Мать хлопнула ладонью по столу – не сильно, но достаточно энергично. Она уже с трудом держала себя в руках.

– Затем, чтобы ты завтра или послезавтра не выбросился из окна и не сделал меня окончательно одинокой и сошедшей с ума старухой! Я уже не прошу у тебя невестку и вну-

ков, но ты хоть сам попробуй сохранишься и меня сохранить в здравом уме!

Она поднялась из-за стола и повернулась к нему спиной. Уже закипал электрический чайник, нужно было делать кофе. Елена Александровна была убеждена, что всегда нужно что-то такое делать, чем-то занимать руки или ноги, даже если вокруг тебя землетрясение, цунами или праздник по случаю победы Хиддинка над оранжевой угрозой. Сейчас она с удовольствием нахлестала бы сына по щекам, чтобы привести в чувство, но лучше она пока заварит кофе.

– Да, мама, я тебя понял, – тихо отозвался Костя.

Если бы она обернулась, то увидела бы в глазах сына слезы. Парень жевал корку ржаного хлеба, смотрел в тарелку и беззвучно плакал.

Мать так больше и не посмотрела на него, а он не стал завтракать. Молча и тихо парень вышел из-за стола, задвинул стул и отправился в прихожую, где его уже ожидали пара начищенных черных туфель, черная куртка, того же цвета зонтик и черная же папка с молнией. Через минуту «черный человек» Константин Самохвалов покинул квартиру.

Едва за ним захлопнулась дверь, Елена Александровна взяла с подоконника трубку радиотелефона и стала набирать номер. Она долго слушала длинные гудки, успев даже увидеть, как Костя бредет по двору в сторону дороги. Парнишка выглядел таким одиноким и несчастным, что у матери сжалось сердце.

- Слушаю, – сказала трубка приятным женским голосом.
 - Татьяна Николаевна? Это Самохвалова.
 - А, доброе утро, Лена!
 - Да, доброе. Татьян, я могу переговорить с вами минут пять—десять?
 - Конечно. Что-то с Константином?
- Елена Александровна вздохнула:
- К сожалению.
 - Хорошо. Секундочку, я припаркуюсь.

Костя ехал в переполненном маршрутном такси. Втиснулся он в машину с превеликим трудом, потому что новостройки в районе Тополиной улицы до сих пор не имели вменяемого транспортного сообщения с центром города и доступного большого автобуса, не говоря уже о супервостребованных «Газелях», в час пик приходилось ждать по полчаса.

Компания ему в салоне попала отвратительная (мысленно он уже наградил ее более сочными эпитетами, допустимыми в его лексиконе). Он сидел в хвосте салона прямо у задней двери, слева его плотно поджимал толстыми ляжками опохмеляющийся пивом туземец лет тридцати, а в кресле напротив размахивал уже опорожненной бутылкой его не менее отвратительный товарищ. Впрочем, если сам Костя еще мог бы перетерпеть тяготы и лишения транспортной модернизации, то видеть, как напротив рядом с туземцем мучается худенькая девушка, ему было по-настоящему тяжело.

Впрочем, еще тяжелее было туземцев *слушать*.

– Короче, тачка в хлам, лобовуха, нах... в крошку, передний бампер под капот сложился – просто писец... Я ему говорю: ты, бля, не слезай с этого уroda, тебе страховая х... чё заплатит – ни свидетелей нету, ни протоколов... будешь еб...ся с ними до весны и хер чо выторгуешь... это ж такие козлы, бл...

– А он чё?

– Да х... в сранчо! Говорил же я, он мудака. Ему этот «поршак» никуда не впился, на «шохе» пусть ездит, гандон малолетний...

Минут через десять Константин понял, что скоро начнет задыхаться, причем не столько от воздуха, сколько от этого диалога. На двенадцатой минуте он решил прибегнуть к недавно изобретенному им методу, который позволял целиком погрузиться в себя и изолировать психику от окружающей клоаки. Он начал мысленно читать Пастернака.

Начало пошло неплохо:

Мне кажется, я подберу слова,
Похожие на вашу первозданность.
А ошибусь, мне это трын-трава,
Я все равно с ошибкой не расстанусь.
Я слышу мокрых кровель говорок...

...Вскоре к этому нежному перебору арфы, звучащему в его голове, стали примешиваться звуки, отчетливо напоми-

нающие потуги сидящего на унитазе человека:

...торцовых плит заглохшие эклоги,
какой-то город, явный...

...ссска, бля, нах...

...растет и отдается в каждом слогe,
кругом весна, но...

...реальный гандон!..

Еще через пару минут от посвящения Анне Ахматовой уже не осталось и ветерка – в ушах и перед глазами у Кости стояли, как два сказочных поросенка, сплошные «нах» и «пох». И запах пива бил в нос, и вид измученной девушки, к которой пьяный козел прижимался уже не просто так, а с тайным умыслом ущупать что-нибудь мягкое и теплое, пробуждал ярость.

Костя посмотрел в окно – до следующей остановки еще пилить и пилить...

– Послушайте, вы, – сказал он тихо, пытаясь разогнуться, – не пора ли уже?..

Его никто не услышал. Точнее, никто из тех, к кому он

обращался. Девушка его услышала – и в ужасе стала ждать продолжения.

– Эй, господа хорошие! – громче произнес Константин, одновременно спихивая со своего плеча чужой локоть. – Не могли бы вы ехать молча? Это же невозможно!..

Матерный треп прекратился. Сосед Кости поставил недопитую бутылку на колесо, переглянулся с товарищем. Тот уставился на Константина с любопытством, как граждане «Республики ШКИД» смотрели на девчонок в пионерских галстуках.

– Чё такое? – спросил он. – Вам нехорошо типа?

– Не только мне, – ответил Костя. Вопреки ожиданиям гопников он и не думал тушеваться. – Вы женщину придавили. Она задыхается, неужели не видно?

Парень посмотрел на соседку. Девушка своим видом показывала, что в гробу видала их всех вместе с этим маршрутным такси и вообще с удовольствием сейчас оказалась бы где-нибудь в другом городе.

– Дык она вроде молчит. Ты-то чё влез, чудо?

В салоне повисла тягостная пауза. Умолкли все, включая впереди сидящих пассажиров и водителя, которые ввиду замкнутого пространства становились если и не участниками конфликта, то свидетелями – в любом случае.

Константин понял, что вышел на подиум, под свет самых мощных прожекторов.

– Язык сразу в жопу, да? – продолжил допрос туземец,

сидевший рядом с девушкой. – Ты ехай спокойно, да, и тебя никто не обидит... Слышь, нет, чудо?

Костя втянул голову в плечи. Он не боялся этой сволочи – он ее презирал всем своим существом, – но ничего не мог ей противопоставить. У него было только одно оружие – слово.

– Я не чудо, – вымолвил он, избегая смотреть противнику в глаза.

– А?! – не расслышал тот. – Чего ты там бормочешь? Серый, я ничё не услышал.

Сосед Кости незамедлительно вставил локоть ему в бок – не сильно, но весьма ощутимо.

– Громче говори, земляк.

Костя поднял голову.

– Я не чудо, а вы...

Туземцы в ожидании раскрыли рты.

– ...вы подонки, – продолжил Константин негромко, но каждое его слово теперь слышали все сидящие в машине.

– Ну, продолжай, земляк, – великодушно разрешил хулиган. Костя не заставил просить себя дважды.

– В вас нет ничего человеческого! Вы – организмы, потребляющие и испражняющиеся и ни на что больше не годные. И разговаривать с вами не о чем, убирайтесь вон из машины, дышать невозможно...

Какое-то время в салоне висела тишина. Потом кто-то на передних сиденьях захихикал. Конечно, от худенького парня в дешевой куртке и с папкой под мышкой ожидали чего-то

подобного (вернее, чего уж там – не ожидали вообще ничего), но к *таким причастиям* никто подготовиться не успел.

– О как, – сказал хулиган.

Девушка, за честь которой так отчаянно бросился сражаться Костя, смотрела на своего непрошеного рыцаря с нескрываемой досадой. Такой взгляд можно увидеть на школьной вечеринке у девчонки, которой по условиям игры «Бутылочка» придется поцеловать какого-нибудь штатного изгоя, не отмеченного никакими заметными достоинствами (или хуже того – отмеченного кучей прыщей). И пусть сама девчонка при этом может быть далеко не аристократка и не «Мисс Вселенная», да и прыщавому изгою вряд ли кто-то предложит крутануть бутылку, взгляд от этого не становится менее убийственным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.